

Крокодилий остров

Элейн

Элоиз

Данхо

Догура

Нгъянурочаче

Джанпришьюрайя

Клявина Татьяна
Белый Шут

18+

Татьяна Клявина

Крокодилий остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70470415

SelfPub; 2024

Аннотация

Всех женщин в роду героини, семнадцатилетней Кулутунайи Амо-Отоко-Опи, называли дочерьми огня и крокодила. Ведь каждый раз, когда рождалась дочь, пробуждался вулкан острова. Заинтересованный этим явлением, на остров с помощью корабля знакомого попадает учёный-исследователь, который готов замарать руки ради достижения своей цели. Но те, кто доставили его туда на корабле "Прекрасная Элейн", имеют свои принципы и планы. Теряя и находя что-то важное для себя на отдалённом острове под завесой миража, часть команды создаёт свою новую историю.

Содержание

1	4
2	6
3	10
4	16
5	24
6	27
7	36
8	40
9	46
10	56
11	63
12	67

Татьяна Клявина

Крокодилий остров

1

Кулутунайя Амо-Отоко-Опи смотрела на тёмную воду. Зеленовато-чёрная у берега, в дали, сквозь деревья с другой стороны пролива подсвеченная розоватым рассветным солнцем рябь казалась почти белой, как сколы круглых камней, которыми были покрыты берега залива Крокодильего острова.

Да, крокодилы здесь водились. И ещё как! Когда солнце поднимется выше, эти серо-зелёные, будто галькой покрытые гиганты выберутся на побережье и замрут, открыв пасти. Тогда на широкие спины будут забираться черепахи, садиться и петь птицы, и может быть даже прыгнет лягушка. Или не одна.

Здесь много лягушек. Цапель и аистов тоже много. Особенно в это время года, когда крокодилы мамы откладывают во влажном буром песке яйца. Папы крокодилы мам крокодилов не кормят совсем, потому что они, худые и злые, стерегут свои кладки от нахальных, надменных птиц. И Кулутунайя гоняла палкой противных пернатых, потому что жалко было маленьких, ещё никого не съевших крокодилычиков.

Но этим утром берег был чист. Комо-Ко-Тото не спустил свой плот на воду, чтобы рыбачить. Мимирада-Лили-ти не шуршала травяной юбкой, обходя шалаши, чтобы собрать дань для старейшины. Ручи-Ошо-Кочочо не выстругивал новых копий и стрел, не обтёсывал камни для их накопечников. Кэмэтэ-Эри не плёл соломенных шляп и не нанизывал на тонкие нити с дерева чу-уччу круглых, с дырочками камешков. И другие, другие, другие тоже не были заняты привычными делами.

Не шумела деревня, не слышались звуки топоров, срубающих лианы. Никто не вёз на плоту с верхней горы кокосовые и банановые плоды. Никто не разбрасывал варёные яйца на тропе, ведущей к вулкану, чтобы задобрить богов. Никто не трубил, не смеялся в большие спиральные раковины, лежащие между Тсушу – местом умирания воинов – и Батидзо – местом их рождения. Деревня была тиха.

Кулутунайя поднялась с круглого камня, одного из немногих, что остались нерасколотыми после этой ночи, и медленно побрела к воде. Нагретый телом камень осыпался до половины пеплом, а остаток раскололся на четыре части. Джунгли за спиной девушки догорали.

2

«Я не верю в бога, я верю в Женщину – мою единственную богиню». Фильм «Беспокойная Анна»

Кулутунайя Амо-Отоко-Опи родилась под чёрной звездой. В день её рождения бил вулкан Крокодильего острова. Поэтому и имя дали такое: Кулу значит чёрный, Тунио – звезда, Амо-Отоко-Опи звук сотрясения земли и низвержения лавы в воды залива.

Кулутунайя Амо-Отоко-Опи родилась под чёрной звездой и сама стала бедствием своего острова.

В год, когда Чуичакоро Иту-Икуду, что означало «светлый благородный мужчина, бегущий лёгкими ногами по воде», сделал Кулутунайю своей женой, вулкан начал пробуждаться.

Остров дрожал. Батидзогири просили Кулутунайю потерпеть, не давать ребёнку жизни до тех пор, пока земля не успокоится. Но вулкан проснулся раньше. И низвергнулись алые недра на склонённые пальмы к земле. Все, кто были в деревне, ушли на другую сторону острова. Они думали, там их не достанет бедствие. И тогда Кулутунайя одна отправилась в Батидзо. Даже муж покинул её.

Алая лава текла по склонам вулкана. Складывались шалаши, шипели и трескались кокосы, улетали прочь птицы, и

крокодилы наблюдали издали, из воды, немигающим взглядом созерцая крушение дома. Кулутунайя лежала на раскалённых камнях Батидзо и ждала первенца.

С детства ей наказывали, что боги недр милостивы лишь к тем, кто продолжает род в Батидзо, и тогда дают правильного ребёнка. Правильным в роду Кулутунайи были девочки. Одна девочка. Больше недр не позволяли. Но чёрная звезда спутала недр и одарила Кулутунайю мальчиком. Мальчиком, заглянувшим в тьму бедствия. Мальчиком, которого никогда не похоронят как воина на Тсушу. Лишь имя успела дать – Этито – идущий на надежду. И род прервался.

И Кулутунайя отреклась от богов Крокодильего острова. От недр, от чёрной земли, от воды. И прокляла она их, держа у груди безмолвный плод. И кричала. Кричала так сильно, что вулкан, что был насмешкой и карой всю её жизнь, затопил Батидзо вместе с Кулутунайей.

А затем лава пропала. Она перестала быть лавой. Как соломенная шляпа разделяет солнечный луч, так и нечто, доселе неведомое, разделило лаву на огонь и камни. И стали камни новыми дорогами, и стал огонь новым одеянием Кулутунайи. И пила она его пока не напилась, пока пепел плода, приложенного к пустой груди, не разнёс ветер.

И повелела она огню поймать тех, кто отрёкся от неё, и дать им взглянуть в око бедствия. И унеслось пламя, сжигая всё на своём пути, на ту сторону острова. И не пощадило оно никого. Лишь крокодилы остались.

Кулутунайя Амо-Отоко-Опи нырнула в залив, смывая с себя пепел и копоть прошедшей ночи. А когда вышла на берег, её уже ждали. Чуирококо – белый крокодил – хранитель острова. Он лежал на песке и смотрел на последнего человека своего острова, а на голове, похожей на блюдо с выкрашенной в белый галькой, сидела лягушка. Кулутунайя хотела пройти мимо, но сверху с криком слетела цапля и схватила лягушку. Девушка хотела подобрать палку, чтобы освободить несчастного зверя, но палки не было. И тогда в руке появилось огненное копьё.

Краткий замах. Полёт. И копьё сразило цаплю. А вместе с ней и лягушку.

И тогда, осознавая свою силу, Кулутунайя легла на песок напротив Чуирококо, предлагая ему полакомиться собой, но старый мудрый крокодил лишь смотрел.

– Моё племя отреклась от меня. Моя земля изгнала меня. Бездна заглянула в глаза моему Этито. Что делать мне, о, мудрый Чуирококо?

Белый крокодил не ответил. Он медленно поднялся на толстых коротких лапах и пошёл к воде. Он погружался неспешно в чёрный от пепла залив, лишь белое тело и длинный хвост слабо светились во тьме. Чуирококо повернул голову к месту, где почти сходились два конца острова, где залив становился морем, затем перевёл взгляд на девушку и нырнул.

– Ты говоришь мне уйти. Но куда я уйду? У меня нет боль-

ше племени и я не знаю, есть ли другие племена там, где кончается большая вода! – выкрикнула она, но ответа не получила.

Кулутунайя лежала на песке и смотрела, как в лазури неба в обрамлении чёрных остовов пальм летят цапли.

– Была бы я цаплей, улетела бы с ними. Я не возьму ничего, что остров хотел бы вернуть, потому никакая палка меня не достанет, никакое копье не сразит.

Кулутунайя Амо-Отоко-Опи встала во весь рост и подняла руки. Изнутри кожа пронизалась светом и появились крылья огня. Девушка взмахнула и взлетела, но вспомнила, что было то, что ещё принадлежало этому месту. Имя.

Она коснулась береговой линии трижды лбом, нашла стогревшее крокодилово яйцо, раскрошила его в чёрный пепел, натёрла руки. Затем омыла их в заливе со словами «Кулутунайя Амо-Отоко-Опи, ты остаёшься здесь. А я отправляюсь за большую воду».

Вновь раскинулись крылья огня и увлекли девушку без имени прочь за большую воду.

3

– Капитан Элейн? Капитан Элейн! Ка-пи-тан Э-лейн!

Странно, здесь тоже нету... О!

– Данхо, напомни, за что я тебя держу в команде?

– За мои красивые глаза и необычное имя?!

– А ещё?

– За то, что я ублажаю вас в по...

– Кх-кх, и это тоже, но можно не так громко?

– Прости, Элейн. Ой, капитан Элейн.

– Не примазывайся, Данхо! Ещё за что? Твоё главное качество, ради которого я тебя наняла?!

– Мой прекрасный ум!

– Bravo, Данхо! Смотрите-ка, угадал! Так что я тебе спешу напомнить, умник ты наш: не забывай пользоваться этим своим главным качеством.

– Но я...

– А я вижу по твоей довольной роже, что ты только что с берега, и что у тебя отшибло мозги, ведь ты приволок мне на хвосте очередных неприятностей! И ещё этот засос на шее!

– Ты ревнуешь, Элейн?

– Нет! Просто когда ты не думаешь, то превращаешься в жи... вот... ное... Данхо... Данхо! Не здесь!

– Элейн, я готов стать для тебя лучшим животным...

– По... Подожди!

– Элейн...

– Капитан Элейн – попрошу!

– Не заводись, Элейн... Аааааа!..

– Выловите кто-нибудь этого оболтуса и приведите сюда.

– Есть, капитан!

– А вы чего тут делаете? Подслушиваете?

– Никак нет, капитан!

– А это что за чучело?

– Он с Данхо пришёл, говорит, тот ему ждать велел. Говорит, что Данхо хотел с вами посоветоваться...

– Идите. Достаньте этого идиота уже. А с этим я поговорю. Кто ты, мальчик?

– Вы та самая прекрасная Элейн? Мне о вас Данхо рассказывал! Вы с севера, да? С западной стороны реки Разлучинки?! Ваш рост, пропорции – местные женщины на тридцать-тринадцать процентов мельче. Да, перепад между бёдрами и талией у вас не такой ярко выраженный...

– Ты хочешь сказать, что я – корова?

– Зачем сразу «корова»? Вы относитесь к разным видам, как минимум. Да и откуда у коров светло-зелёные глаза и серые волосы? Да и у местных жителей таких не бывает. К тому же вас акцент выдаёт: низкая вибрирующая «р», протяжные гласные... Да, и лицевые кости довольно выразительные, особенно вот здесь, и здесь...

– А ты не попутал, щенок, пальцем в меня тыкать?

– Ой, простите, мне просто так любопытно. Впервые так

близко вижу женщину севера с той стороны...

– Я не оттуда!

– Простите, если это ваша тайна, но я же вижу! И ещё ваша кожа. Она склонна к белизне, довольно ровная. Вы, я вижу, плели канат, но, посмотрите, кожа на ваших пальцах и ладонях такая ровная и мягкая. У местных женщин такого нет. Здесь преобладает кожа более жёст...

– Так, голову мне не морочь! И отпусти уже мою руку!

– Простите, я просто давно не видел таких красивых рук у женщин. Позвольте ещё немного посмотреть. Да, видите, ваша ладонь...

– А ты, что, всех местных женщин перелапал?

– Что вы, не всех, конечно! Многие не понимают, какой вклад в развитие человечества они могут принести, поэтому, откровенно говоря, бегут. А я их просто прошу показать свои тела, чтобы записать все размеры. Я, знаете, веду такие счётные таблицы и уже добился кое-каких соответствий. Но больше всего огорчает, что никто, из осмотренных мной при жизни, не пожелал отдать мне своё тело после смерти! Они ничего не желают понимать! А это, между прочим, наука! Мне-то и надо всего тысячу-две мёртвых тел, которые я знал при жизни, чтобы всё досконально изучить! Ай!

– Не дам я тебе свою руку, щенок, больше, даже не проси!

– Ладно. А дайте мне своё тело после смерти. Фаланги ваших мизинцев не укорочены, как у среднеполосных жителей, значит, вы точно с севера. С Красных гор. Верно же?

Вот! У вас расширились зрачки! И снова сузились. Значит, я прав. Ну конечно, я прав. Я всегда такие вещи вижу. Мне ещё не доводилось вскрывать женщину из местности Красных гор! Отдайте мне своё тело после смерти! А вы, случайно, в ближайшее время умереть не хотите? Я не настаиваю, чтоб прям сейчас! Нет, лучше ближе к зи...

– Ты что болтаешь, червяк?! Ты как с моей Элейн разговариваешь?!

– Данхо! Для тебя я – капитан Элейн!

– Аааааа!

– Капитан Элейн, выловить его?

– Сам вылезет. Эй, щенок, так зачем этот придурочный тебя приволок на мой корабль?

– Отлично, что вы спросили! Наконец-то я могу... Идите сюда, под фонарь, а то после заката ничего не видно... Вот, смотрите! Это цикл сотрясений земли. Вот, вот на этой странице частота колебаний в минуту, а здесь карта ближайших островов. Посмотрите! А вот даты! Любопытно же, да!

– Чушь собачья!

– Да нет же! Смотрите, в этой колонке даты. Ровно через пятнадцать-девятнадцать лет частота колебаний в этом районе повышается...

– Какой же это ровно? Где пятнадцать, а где девятнадцать? Деньги ты тоже так считаешь?

– Ах-ах, нет... Не считаю. Я забываю о них вечно. Нет! Деньги у меня есть! Не переживайте! Потому я пришёл к

вам! У меня есть, чем заплатить, а у вас самый быстрый корабль на этих островах. А плыть надо немедленно. Потому что колебания вновь усилились!

– Допустим, что деньги у тебя есть, я верю. Но чего ради мне туда плыть?

– Вы не понимаете! Там – уникальная природа! Но что-то в ней с определённой периодичностью вызывает сильные толчки. Ни на одной карте там нет того, что могло бы создавать такие толчки! И если там всё же есть вулкан, я должен в том убедиться! А ещё там есть крокодилы! Много крокодилов! Вы знаете, как дорого стоят вещи из них?

– Где-то твоя логика хромает, мальчик. Ты ни разу не был на этом острове, а утверждаешь, что там есть крокодилы? И я должна в это пове...

– Нет. Нет! Нет!! Ну почему вы такая неразумная?

– Ты сейчас купаться пойдёшь следом за Данхо!

– Вы не понимаете! Там – интересно! А крокодилы водятся в этой местности, но так, что чем ближе к тому острову, тем их больше! Мы должны поплыть туда прямо сейчас! Всё равно же рядом! Только досюда вибрации на доходят.

– Не интересно.

– Ну как мне ещё вас убедить, холодная северная женщина?

– Капитан Элейн! Капи... кха-кха-кха...

– Ну что ещё? И где Данхо, драть его якорем?!

– Море кипит!

– Что?

– Да-да-да! Началось! Сильнее, чем обычно! Толчки! На-до плыть! Поскорее отплываем! Я заплачу, сколько потре...

– Трубу!

– Есть, капитан!

– Где?

– На два часа, капитан!

– Не вижу. Ну и темень. Какой урод стекло заляпал? Твою ж...

– Дайте! Дайте посмотреть!

– Щенок! Верни трубу!

– Ай! Ой!

– Да уж... Что-то там происходит. И где Данхо?

– Он в рулевом, капитан.

– Какого грёбаного осьминога он там делает?

– Отдаёт приказы...

– Заткнись. Твою ж... Это огонь?... Огонь... Огонь направленный... Копьё?... Огненное копьё? Поднять якорь! Мы идём на Крокодилиий остров!

– Есть, капитан!

– Уря-я!

– Заприте этого выблевка в карцере, чтоб не путался под ногами. Отплываем.

– Есть, капитан!

А море и в самом деле кипело. Серебристые стаи рыб выпрыгивали из воды, почти белые на кипуче-тёмном, и стремительно скрывались позади корабля. Пиратские паруса подняли, и флаги бились, бились от встречного ветра. И бледно-зелёные глаза на них с огненного цвета ресницами то скрывались в складках чёрной материи, то вновь обозревали пространство.

Если бы не два колеса, спущенных на воду по бортам, корабль был бы отброшен назад, но теперь худо-бедно пробирался вперёд.

Остров горел. Там, где погасло огненное копьё, пламенели джунгли. Но больше всего капитана Элейн, до боли втискивающую подзорную трубу в глазницу, волновало место, откуда копьё послали. Точнее тот, кто его послал.

– Кто ты? Кто? На кого ты охотишься? – бормотала женщина.

Ветер отталкивал корабль от острова. Нужно было что-то предпринять. Никто никогда намеренно не совался туда, хотя суша была близка. Поверья, проклятья – они сильны среди моряков. Остров разбитых надежд – говорили люди. Остров разбитых кораблей – вздыхали пираты. И вправду, обломков вокруг него было видимо-невидимо.

Элейн вошла в рубку. Данхо, серьёзный, собранный, – у

штурвала. Бесстыже соблазнительный в этом своём состоянии. Думающем – как подчёркивала каждый раз капитан.

– Предлагаю идти прямо и двигаться вдоль берега по кромке рифа, – холодно сказал Данхо, не сводя с кипящего моря пристальный взгляд.

– Делай, – Элейн хлопнула его по плечу и, не удержавшись, по заднице. Ведь невозможно упустить такой момент!

– Капитан Элейн, – проворчал Данхо и оглянулся. Его глаза, один зелёный, другой фиолетовый, сверкнули игривым весельем, но лицо было сосредоточенным. Работа – драть её за ногу. Деньги за любимую, качественно выполненную работу Данхо любил больше, чем Элейн.

Ступени в трюм под каблуками немилосердно скрипели. Мысленная заметка всё подлатать по возвращению на верфь острова Бумеранг – и Элейн вошла в колёсную рубку.

Первые мгновения, когда пальцы касались лакированных дверей и створки неслышно распахивались, чтобы обнажить то, что находилось за ними, были для капитана самыми ценными. Подтверждением верного решения. Спонтанный поступок обернулся спасением двух жизней.

* * *

Полуостров Гато-Ладро шесть лет назад

Рынок рабов был переполнен. Душный зной, сковавший

город Орэч, иссушал и людей, и море. Даже скалы, казалось, сжимались и трескались. Элейн и её команда только недавно захватили отличный бриг и выиграли в шнек на двенадцать карт корабельного плотника, который так ненавидел свою работу, что готов был крушить и ломать. Но доходчивость капитанши усмирила мастера, и тот совершил чудо: поставил два больших колеса, которые в трюме соединялись валами и при необходимости поднимались. Вот только силушки их двигать надо было немеряно.

И тогда Элейн решила пополнить команду на рабском рынке, едва сама не примерив ошейник. Но это былое – команда не дала капитану в обиду, да и украденные денежки вернуть удалось. А потому, когда обойдя весь город и не найдя подходящих людей по приличной цене, они наткнулись на скучающего торговца с двумя клетками, настроение у всех было явно паршивое.

Торговец долго кобенился, но потом показал свой товар. Два измождённых змеелюда шестнадцати лет. Ангуис – так их правильно называли. Одни из Детей Богов, но кто больше всех пострадали от людей.

Из-за грязи и синяков на мальчишках масти было не разобрать, но Элейн знала, да как и все в мире, что сильнее Ангуис никого нет. Да, зелёные чуть дипломатичней, красные – выносливей, синие и белые лихо управлялись с оружием, но это всё было не важно. Капитанша поджала губы, вспомнив... Вспомнив и сразу забыв, спросила о цене. Приемлемо.

Когда их отмыли, обнаружили к радости всей команды бурую чешую. И смогли тщательно рассмотреть и змеиные морды, и четырёхрукие человеческие торсы, и длинные хвосты. Мелкие, хоть и были ростом выше любого из команды, ещё долго тряслись и жались друг другу, отказываясь говорить. Пришлось плыть на полуостров Хоэзис, чтоб набрать единственной еды, которую принимали желудки истощённых на воде детей.

Роща куджах, покрывшая развалины бывшего города расы Ангуис, ещё не раз после этого выручала Элейн. Все трюмы были забиты плодами разной степени свежести на радость мальчишкам, которые при хорошем обращении оказались очень преданными и добрыми. Да и росли они огого как! И работу свою выполняли на совесть – крутили без усталости по три дня через один валы колёс. За что Элейн была очень признательна...

* * *

... И каждый раз, входя в колёсную рубку, капитан вспоминала тех полудохлых змеелюдов и не узнавала их в этих огромных красавцах, которые будто пушинки вращали рычажьи колёс. Широкие спины так и бугрились крепкими мышцами. Мощные руки даже ещё не вспотели. Карминово-красные хвосты переплелись на полу, будто так парни общались.

Элейн вошла, впитывая открывшуюся перед глазами кар-

тину – её сокровища: Джанпришьюрайя и Нгъянурочаче.

– Джан, Нуро, ну как у вас тут? – спросила она, любясь синхронностью движений. Две змеиные головы повернулись к ней, ощерились весёлыми улыбками, радостно мигнули жёлтые глаза.

– Лучше некуда, мам, – ответили хором Ангуис. А женщина, уже давно бросившая затею отучить их от такого обращения, пожелала хорошей работы и отправилась на палубу. Хотела заглянуть к нанимателю в карцер, но передумала: болтать он горазд, так вся ночь пролетит, а остров уже близко.

* * *

На рассвете бриг едва не напоролся на риф, лишь мастерство Данхо, да втянутые вовремя колёса спасли судно. Море к тому моменту успокоилось, толчки прекратились. И Элейн высматривала место швартовки. Хотя всегда можно было бросить якорь и отправиться на лодке, капитанша искренне не любила мелкие посудины. Ведь в них не помещалась зачастую вся добыча.

Медленный ход и светлый рассвет позволили рассмотреть остров. Возвышенность всё же была – близко к северной оконечности, чуть дымилась. Неужто, вулкан? Обычно остров нельзя было увидеть: плотные миражи показывали ровные воды. Оттого и корабли то и дело, норовя пройти прямо, напарывались на рифы. Но теперь, как и ночью, всё виднелось

отчётливо.

– Будет чудо, если мы отсюда выберемся живыми, – будто ни к кому не обращаясь, сказала Элейн.

Команда, занятая парусами, не ответила. Данхо лишь хмыкнул и крутанул руль, обводя остов галеона.

Пальмы догорали. Ветер разносил искры с их верхушек, те гасли. Листы отламывались и валялись на песок. Элейн скривилась. Уж слишком всё это было странно.

– Капитан!

Пронзительный крик из вороньего гнезда мог выбить из равновесия кого угодно, но не Элейн, которая сама обучила беглого певца такому воплю. Рука, почти чёрная на бледно-голубом небе, указала на берег чуть в сторону. Женщина подняла подзорную трубу, но и без неё уже видела горстку людей. Мёртвых? Скорее всего. Хотя...

– Лодку, живо!

Любопытство победило жадность. Да и что тут брать? Неугомонного заказчика, который назвался Элоизом, привели с одним условием, что он не будет болтать. Элоиз вертелся, дёргал свою сумку через плечо, поправлял круглые очки и жадно, как голодный зверёк, всматривался в тёмные силуэты на сером песке.

Данхо и ещё четыре матроса отправились с капитаном и учёным. Все хмуро молчали, готовые к нападению. Но люди на берегу были не очень-то живы. Лишь один волочился на обрубках ног к пришлым. Он залопотал что-то, понял, что

его речь им неведома, и замолк.

– Позвольте мне, – не удержался Элоиз и первым спрыгнул в воду, взвизгнул, поскользнувшись на морской звезде, еле как удержал равновесие, и бросился к человеку.

Тот вцепился в пришлого, бормоча и закатывая глаза. Элоиз кивал. Спутники уже стояли рядом.

– Так, – дождавшись окончания лепета, произнёс Элоиз, – такие образцы тел мне не требуются. Надо посмотреть на центр волнения. – И, отпихнув от себя туземца, бодро зашагал к лесу.

– А ну стоять! – рявкнул Данхо, злой и уставший после бессонной ночи. Элоиз обернулся на него непонимающе. – Что он тебе сказал?

– Ой, да всякую ерунду. Что его жена осталась в деревне, что она дочь огня и крокодила, и что это она их покарала. Ничего особенного. Попрошу меня не тревожить, пока я собираю образцы.

Туземец тоже обернулся на равнодушный тон Элоиза и повалился на песок. Жизнь покинула тело.

– Что будем делать, капитан Элейн? – спросил Данхо, обзревая груды сожжённых тел.

– Один мальчик остаётся у лодки, ты и трое других идёте с этим придурочным. А я посмотрю на эту дочь огня и крокодила.

– Так дело не пойдёт! – Данхо заступил капитану дорогу, раскинул руки. Прошептал, явно нарываясь на оплеуху: – Я

не отпущу тебя одну, Элейн! – И отступил, подчинившись взгляду: жёлто-зелёному пламени, вспыхнувшему в глазах женщины.

– Встретимся здесь, Данхо.

Элейн пробралась через джунгли. Под ногами шныряли ящерицы и змеи, над уцелевшими цветами танцевали пёстрые бабочки. Всё было бы славно, если бы так не несло гарью тел.

Человеческая фигура впереди. Там, за кустами, на пляже, на берегу залива. Элейн ускорила шаг, но опоздала.

Девушка. Совершенно нагая. С кожей, гораздо светлее, чем у туземцев, поднялась с колен, раскинула руки, и их охватил огонь. Крылья пламени раскрылись в стороны и подняли тонкое тело в рассветную дымку.

– Ишь, дочь огня и крокодила, – усмехнулась Элейн, глядя на рваный, явно первый полёт девушки, – обычный ведь Феникс. Только как она здесь оказалась?

И заторопилась назад к лодке. Следовало поймать неразумную птаху и... Не оставлять. Не оставлять, как восемь лет назад Элейн бросила своих дочь и сына. «Как вы там, Марицка, Тавир? Живы ли?»

Элейн старалась не терять огненную птичку из виду. Своих крыльев не было: не овладела. А так бы взлетела, конечно, схватила бы мелкую. Ну что уж теперь.

Ветер откинул девушку от моря к джунглям, тонкая фигура в ореоле золотисто-алого пламени проскользнула над головой. Элейн выругалась и затопала в ту же сторону, не глядя под ноги. А зря.

Проклятая ловушка схлопнулась над головой, когда женщина ухнула в яму. Спасибо, что без кольев на дне. Глубокая и стенки скользкие. Попытки дозваться команду не увенчались успехом. И Элейн пришлось пожертвовать чистотой одежды и всем запасом брони, чтобы, еле как раскорячившись, впиваясь каблуками и пальцами в жирную землю, добраться до верху. Поднять плетёную из лозы и веток решётку оказалось довольно просто, благо, силы физической в капитане было достаточно. А уж злости бы хватило на троих.

Вот только времени это заняло прилично. Уже солнце стояло в зените и грязь засохла на одежде, когда Элейн, тяжело отдуваясь, выкатилась на край ямы и лежала, размышляя, что делать. Девчонку из виду она явно потеряла, тогда что? Надо возвращаться к лодке, двигать на корабль и хорошенько сегодня выпить с Данхо. И если он не отрубится, как обычно, сразу, заняться с ним страстной любовью. А можно

и вообще ему пить не давать. Всё же она капитан, да и старше его на десять лет – может запретить ему что угодно, пока он ей служит.

Планы на вечер и ночь так захватили разум Элейн, что возвращалась к пляжу она медленно, позволив едва видимым тропам вести себя. Тщательно огибала ямы, как та первая, и другие бесхитростные ловушки. Шла и разглядывала деревья, цветы, черепки посуды, обрывки венков, обломки копий и стрел. Даже увидела мартышку, та сидела, выпучив глаза, возле большой витой раковины и ела банан. Женщина подзвала зверька, но тот покосился и ловко вскарабкался на стогоревшее до половины дерево, оттуда перепрыгнул на другое и был таков.

Элейн прошла ещё немного. Камни под ногами были ещё тёплыми, будто и в самом деле после извержения, а местность казалась некогда обжитой. Вот тут бы хорошо встал дом, там ещё один, между ними уютный сад и качели. Мечты-мечты. Однажды Элейн точно поселится на маленьком острове и будет его полноправной хозяйкой. А пока...

Нашла колодец, до которого не добрались ни горячие камни, ни огонь с деревьев. Привязанным к лиане бамбуковым ведром зачерпнула воды, напилась. И только после этого поняла, как сильно её мучила жажда. Запах сожжённых тел всё ещё стоял в воздухе, запрещая даже думать о еде, но вода пришлась как нельзя кстати.

Оттерев куски грязи с одежды, женщина направилась к

пляжу. Огляделась. Да, груды туземцев оказалась справа. Значит Элейн вышла гораздо дальше, чем вошла в лес. Рядом с кучей некогда живых тел должна быть и лодка. «Проклятье, из-за обломков кораблей ничего не видно», – беззлобно ругнулась капитан, шагая по песку. Остановилась. Оглянулась.

Её путь пересёк семь цепочек следов. Пять вглубь острова, две, торопливые, с шагами отстоящими друг от друга далеко, к куче тел. Сердце забилося чаще. Ком подкатил к горлу. Элейн пошла по следам в сторону туземцев.

Лодки не было. Матрос был. Мёртвый. Три удара под сердце ножом.

– Кто? Кто это сделал? – Элейн затрясла бесчувственное тело.

Мелькнул под приоткрывшимся веком тёмный глаз, на губах мужчины вздулся и лопнул кровавый пузырь, забрызгав блузку капитанши. Последние слова того, кто служил ей верой и правдой шесть лет, обжигающим холодом окатили женщину:

– Они схватили девочку, уплыли. Тот учёный и Данхо...

**Десять лет назад, близ города
Рассветный Порт, полуостров Гато-Ладро**

– Ты не понимаешь! Ведь это – источник силы!

– Естественно, я не понимаю, ведь я там ничего не увидел!

– Ты глупый, Данхо! Ты видел, как энергия закручивалась? Видел! А в других местах такого не было. Это значит только одно...

– Это значит, что всякие придурки теперь будут отлавливать Детей Богов и резать их ради мифического источника силы, которого, может даже, и нет!

– Послушай, в этом мире слишком много удивительных вещей. Объективно, даже восемьдесят лет мало, чтоб их всех посмотреть. Ты разве не хочешь жить вечно?

– После того, что я видел, не особо.

– Глупо! Не удивлюсь, если при вскрытии в твоей голове не окажется мозга.

– Не напоминай!

– А что тут такого? Это был просто труп!

– Это был труп женщины. Молодой. Феникса. Она, возможно, последняя из своего племени.

– Как минимум она успела произвести на свет потомка. Мне было бы интересно его вскрыть.

– Элоиз, ты вообще ни о чём другом думать не можешь? Вскрыть и вскрыть?! Они ведь тоже люди!

– Данхо, посмотри правде в глаза! Они – не люди. Они – Дети Богов. Чудовища! Они владеют силой, которая нам не досталась по праву рождения. И в наших силах её забрать. То, что мы видели, – ядро фениксовой силы. И сейчас этот истинный поглотил ядро! Ещё немного и он станет бессмертным. Это несправедливо! Он сидит целыми днями в резиденции братства Вечности, даже на мир не ходит посмотреть. А ведь я могу тоже стать бессмертным! И тогда я побываю везде! Узнаю все тайны мира!

– За счёт жизни Фениксов?

– Данхо, когда ты голоден и видишь яблоко на ветке, ты проходишь мимо или срываешь его? Дети Богов – яблоки. А люди – садовники.

– Но ведь есть и смешанные! Каково: садовник и яблоко произвели на свет...

– Бесплезное существо. Ты лучше скажи, что возьмёшь с собой в экспедицию?

– Я не поеду!

– Почему? Это же глупо! Надо просто добыть Феникса, чтобы стать полноправным членом братства Вечности. Ты что, тупой? Ты хочешь упустить такую возможность?

– Нам же сказали, что Фениксы водятся только в Красных

горах! А это, бездна сожри, слишком далеко! К тому же их охраняют Тени. Не хотелось бы мне...

– Ме-ме-ме! Данхо, ты долго будешь бляеть, как овца? Только у несущих огонь есть бессмертное ядро! Я сделаю всё, чтобы попасть в братство, а ты... Да пропади ты пропадом!

– Элоиз! Куда ты? Постой... Он точно выжил из ума... Надо бежать... Нет, надо его остановить. Его же там убьют. Да и пусть... Что же делать?

– Кх-кх, господин, вы едете? До города далеко, а мне велено отвезти всех до заката.

– Но Элоиз! Куда он пошёл?

– Господин, я предполагаю, что к другим извозчикам, которые следуют в порт.

– Что? Почему? Он... Он был здесь раньше?.. Хотя, неважно...

– Верно, господин. Ваш спутник был здесь неоднократно. Кх-кх, я лично привозил его.

– Зачем вы мне это говорите?

– Кх-кх, господин, от нас не уходят просто так. Все возвращаются. Кх-кх, советую вам прислушаться к словам вашего спутника.

– Вы... Вы тоже думаете, что вскрывать Фениксов ради поиска мифического ядра силы нормально?

– Кх-кх, господин, бесспорно. Они ведь даже не животные, чтобы питать к ним какие-то эмоции. Это всего лишь

хранилище силы, которое можно опустошить. Кх-кх, господин, простите, но я не понимаю, почему вас так это беспокоит?

– Но они ведь люди! Такие же, как мы! Та женщина! Она ведь... Она ведь могла быть моей матерью.

– Кх-кх, господин, посоветую вам не использовать такие слова в приличном обществе. Это позор. Я могу донести на вас, и дорога в братство Вечности вам будет закрыта. – Да и в бездну её! Отвезите меня в город! Долго мы ещё тут будем стоять? – Кх-кх, вынужден отказаться. Не имею желания портить карету вашими неблагими мыслями. Удачи, юноша. Старайтесь не оступаться так очевидно.

– Кажется, меня все бросили... Ладно, почему бы не спуститься в порт.

* * *

Полуостров Чайладиф, пять лет спустя

– Почём карты?

– Вот же цена.

– Дорого.

– Зато точно. Сам измерял, сам чертил.

– Ну-ну, давай-ка проверим... А покажи-ка мне... Ого...

А это есть?.. Ого... А это?

– Дотуда я ещё не добрался.

– Тю-ю... Ладно, сколько говоришь? На. Если вдруг доту-

да доберёшься, а потом снова сюда, занеси мне карты в таверну "Горбун и Сваха". По деньгам не обижу.

– Замётано.

– Говоришь, сам их и чертил?

– Да, прекрасная леди.

– Высоты и глубины на месте. И даже сезонные ветра учёл.

С кем ты плавал, мальчик?

– Нанимался то тут, то там. «Мисс Валери», «Баржа Джо-на Хоппа», «Люсиль и Малиока», «Келбеллская волнорезка», «Свинорылый Быч»...

– Хватит, мальчик. Я возьму эти две. Есть остров Крикунов?

– Дома, леди. Но если вы завтра вернётесь.

– Вернусь.

– Леди, ваше имя?

– Мальчик, а не много ли ты себе позволяешь?

* * *

– Ну что, ты принёс карту?

– Леди, год прошёл. Я приносил её каждый день, и карта истёрлась. Но у меня есть другая...

– Эй! Это наше место! Хватит отбивать моих клиентов, ты, мелкий засранец!

– Мальчик, что они от тебя хотят?

– Слышь, стерва, рот закрыла! Бабе слово не давали!

– Мальчик, у тебя есть карта...

– Берегитесь, леди!

– Ну что за невоспитанные молодые люди. Какие неприятные, беспокойные хамы.

– Были...

– Мальчик, не пиши. Оу, похоже, карты твои все... Сгорели... Хм-м-м, ты видел, да? Мой огонь. Ты видел его, мальчик?

– Да, леди.

– Хорошо. У тебя есть два варианта...

– Вы меня убьёте, леди?

– Я не убиваю красивых мальчиков. Я их только мучаю. До смерти. Хочешь?

– Нет...

– Тогда второй вариант: служи мне.

– Я?..

– Я даже буду тебе платить.

– А...

– Ты что-нибудь смыслишь в судоводстве?

– Ну... Нанимался... Учили... Рулевой... Немного...

– Хорошо. Пойдём-ка отсюда, мальчик. Народ прибывает.

– Вы... Вы и в самом деле... Феникс, леди?

– Только это большой секрет. Ты ведь никому...

– Нет-нет-нет, ни в коем случае! А... Позвольте узнать ваше имя?

– Мальчик, моё имя – Элейн. А твоё?

– Данхо. Просто Данхо.

– Ну пойдём на мой корабль, просто Данхо.

Два года спустя. Плавающий рынок в Лемерском море-озере

– Какие люди, Данхо!

– Элоиз?! Что ты здесь делаешь?

– Выслеживаю одну особь. Мне говорили, она обосновалась здесь.

– Особь? О чём ты?

– Самка Феникса...

– Ты как о животном! Нельзя так, Элоиз!

– Данхо, ты так и не поумнел за эти годы. Фениксы – не люди. Сейчас нет, насколько мне известно, свободных самцов из их племени. Но я слышал про одну самку, пиратку. Тварь управляет кораблём – где это видано? Донесли, что она обосновалась где-то здесь. Как же её корабль назывался? Забыл. Не имеет значения.

– Что это у тебя?

– Где? А, серьга. Поздравляю, ты не слишком тупой. Даже смог заметить знак братства Вечности.

– Ты... Ты всё-таки это сделал? Нашёл ядро Феникса?

– Нет. Я помог кое в чём другом. А тебе, пожалуй, это знать не стоит.

– А как зовут женщину, которую ты выслеживаешь?

– Самку Феникса? Сейчас посмотрим. Надо же, вчера

дождь-таки добрался до моих записей. Дела-а... Помню, что похоже на моё имя в начале. Ладно, тебе это, между прочим, тоже знать необязательно. Ну, мне пора. Увидимся, Данхо.

– Надеюсь, нет, Элоиз... Бездна сожри, зря мы здесь так задержались. Надо сказать Элейн, что пора убираться отсюда...

Вы не верьте глазкам Блайджи!

Все они обманщики.

Честь и совесть украдут,

Но одарят мальчиком.

Если статую увидишь

Блайджи на рассвете,

То к закату будешь беден,

Разукрашен плетью.

Йиха-йиха, разукрашен плетью!

Йиха-йиха, разукрашен плетью!

Прячьте девок, матери!

Батьки, тоже прячьте!

Блайджи девку ту найдёт,

Трахнет, съест или украдёт

Йиха-йиха, не верьте глазкам Блайджи!

Йиха-йиха, глаза портовой девки!

– Слышал, Данхо, они поют про тебя.

– Бездна! Да что за?! Я не виноват, что родился с такими глазами!

– Видимо, твой давний родич и был этим Блайджи.

– Элейн, хватит верить всяким глупостям!

– Хм-м-м, кстати, с кем ты разговаривал? Я была далеко, не разглядела.

– Я? Да... Дорогу спросили...

– На плавучем рынке? Где столько указателей?

– Элейн... Ты мне веришь?

– Я даже себе не верю... Но, ради тебя сделаю исключение.

Остров Бумеранг

– Снова ты, Элоиз!

– Данхо, мог быть и повежливей со старым другом. Всё же два года не виделись.

– Что ты здесь делаешь?

– Хочу разгадать тайну одного острова. Для этого мне нужен корабль.

– Острова? А кто там живёт?

– Крокодилы. Но дело явно не в них.

– А твои поиски Фениксов?

– О, тебе и впрямь интересно?

– Да, очень.

– Помнишь, я тебе говорил тогда про одну самку? Информация не подтвердилась. Я до поры приостановил изыскания. Кстати, у тебя есть корабль?

– Есть... Что значит «до поры»?

– Другой надёжный информатор рассказал про блудного Феникса. Но он с той стороны великой реки. Совсем ещё птенец. Вроде как, Рихардом зовут. Мой человек присматривает за ним, могу взять его в любой момент. Поэтому пока что

хочу немного поизучать всё тут. Так что на счёт корабля?

– Да. Да... Мальчишка... Бедолага... Да, корабль есть. Куда тебе надо?

– На Крокодилий остров. А плачу вот столько.

– Фьи-иу! Да этого же хватит, чтоб всю палубу перестелить!

– Возьмёте пассажира? Только надо выдвигаться прямо сейчас.

– Аванс вперёд. Отлично. Берём.

– Как называется твой корабль?

– «Прекрасная Элейн».

* * *

Рассвет на Крокодильем острове

– Элоиз, подожди! Куда ты так бежишь?

– Снять пробы грунта, пока всё не остыло.

– Тебе помочь?

– Нет. Это слишком деликатный процесс. Дилетанту вроде тебя не следует ничего трогать своими кривыми руками.

– Ладно-ладно. Не могу помочь – не буду и мешать.

«Люди. Чужаки на моём острове. Что они здесь делают?»

– Данхо, а ведь ты мне соврал. Та... Самка по кличке Элейн, она ведь Феникс. Но я её не трону. Она слишком старая. Мне нужен образец помоложе. Тот птенец мне подойдёт. А знаешь, как я понял? Не зря же я теперь магистр брат-

ства Вечности. Волновые колебания. Когда у Фениксов расширяются резко зрачки, от особи исходит резкое тепло. И та самка, когда я сказал про Красные горы, подтвердила это, выбросив волну тепла. Но ты не... Что это?

– Где?

«От них чувствую интерес. Они помогут мне найти новое племя. Я здесь не задержусь. Я хочу увидеть их. Пусть помогут».

– Это! Это! Феникс! Это молодая самка Феникса. Посмотри! Она плохо летает. Мы можем её приманить.

– Зачем?

– Если у меня будет сейчас на руках молодой образец, мне не надо будет пересекать четверть мира ради другого.

– И ты не тронешь мальчика?

– Да на кой он мне нужен... Смотри! Её сносит ветром. И она летит в сторону трупов. Запах. Может, её влечёт запах крови? Данхо, убей себя, мне надо кровью приманить её! Быстро!

– Нет! Ты с ума сошёл?

– Не будь идиотом! Если мы сейчас не поймаем эту самку, мне придётся привезти старый образец!

– Не мели ерунды, Элоиз! Я тебе не позволю... Акхх...

– Смотри на эту каплю и подчиняйся моим приказам!

– Что это... было?

– Игла с одним зельем. Смотри и подчиняйся моим приказам, Данхо. Молчать! Лежать!.. Сидеть!.. Встань!.. Убей

тех троих!.. Как всегда безотказное зелье.

«Что они делают? Почему? Почему чужая кровь орошает мой остров? Я должна остановить их! Я должна...»

«Не понимаю... Руки не слушаются... Ноги не слушаются... Почему... Я не хочу... Ребята, пожалуйста, бегите от меня... Бегите... Бегите! Бегите!.. Простите... Простите меня...»

– Лети сюда, птичка. Хорошая птичка. Смотри, сколько крови. Данхо, схвати её и неси в лодку. Спрячемся под завесой миража.

«Кровь... Страшно... Кровь... Как ночью недра... Извергнулись... Затопили... Как кровь... Это проклятие недр... Это моё наказание... Кровь... Имя... Кровь... Имя... Кровь... Тьма...»

«Горячо... Глупая девочка... Просыпайся, улетай... Я не контролирую себя! И тебя тоже. И тебя он подчинил... Горячая... Какая ты горячая... Совсем юная... Но зато блудный Феникс спасётся. И Элейн... Элейн, я тебя не отдам никому!»

8

Девушка без имени лежала на дне просторной лодки и смотрела на странных чужаков.

Один был худ и встрёпан, похож на голодную цаплю. Он то вскидывал руки, то застывал. Иногда его бледное лицо, совсем не похожее на человеческое с этими двумя большими прозрачными кругами перед глазами, становилось подобно ящеринному. И как ящерицы рассекают переливчатое полотно чешуи щелью пасти, так и этот человек внезапно открывал плотно сжатые губы. Он говорил, и говорил непонятно, спутанно, сбивчиво. С такими интонациями бывшие соплеменники девушки без имени обращались друг к другу после того, как всю ночь напролёт пили настой из кокосового молока.

Человек этот странный, совсем не такой, как представляла себе девушка без имени людей за большой водой, казался больным. Нет, одержимым. Будто внутри он держал рыболовный крючок. Может и мог его выпустить, но не хотел. И тянулся к рыбаку, тянулся, по собственной воле, находя в этом нечто полезное для себя.

Другой тоже был странным. Он молчал, глядя вперёд, почти не мигая. Он казался девушке без имени добрым. Ведь он... Нет... Не добрым. Она помнила, что это он убил троих чужаков. А потом ещё одного, перед тем, как сели в эту

незнакомую лодку.

Девушка без имени пыталась объяснить себе этого человека и не могла. Большой и недвижимый – это признак ума, житейской мудрости. Но блёклые глаза, поникшие плечи, руки, сцепленные на коленях – так выглядели только люди, потерявшие всё, уставшие от себя и от жизни, отрёкшиеся от самой сути жизни. Так выглядела она сама – девушка без имени.

И тогда она поняла, что в большом теле существуют будто двое: один живой и сильный, а другой мёртвый и послушный. И всё сразу стало понятно. Другой победит. Ведь смерть побеждает всегда.

Девушка без имени не пыталась призвать огонь. Руки были связаны за спиной, на шее – тугая верёвка, второй конец которой опоясывал худого человека. Девушка без имени не хотела за большую воду, не есть, не пить, не жить, не умирать. Желания будто смыло приливом, оставив заливанный берег безмолвной пустоты.

Пустой берег. Серый берег. Песок? Нет. Ведь не видно крокодильих гнёзд. Галька. Мелкая серая галька. Девушка без имени неспешно шла по пустынному берегу внутри себя, не ища никого, не зовя. Просто шла...

... А лодка плыла между берегом и обломками кораблей на юг. Никто не мог видеть лодку с моря, ведь как только земля после ночного буйства стихии остыла, поднялся мираж, и там, где догорали пальмы, где высилась груда тел, где

металась одинокая женщина стаскивая на берег троих своих самых верных людей, всем виделись лазурные воды с резкими полосами солнечных бликов.

Девушка без имени шла по серому пляжу, прикрывая глаза ладонью. Но вот что-то шевельнулось на границе видимости. Белое и длинное. Оно было таким реальным, что девушка подскочила, раскрыв широко глаза, и воскликнула:

– О, мудрый Чуирококо, ты пробрался в мои сны! Ты желаешь направить меня, хоть я тебя и покинула?..

Договорить она не успела. Рывок верёвки на шее бросил девушку к ногам худого человека. Никто не понял речей девушки, но большой человек вдруг встал и взялся за весло. Он медленно направил лодку вдоль берега. По днищу то и дело скрежетали камешки, возможно рифы. Девушка без имени прижалась ухом к тёплым, пахнущим незнакомо шершавым доскам лодки, вслушиваясь в говор вод. И вернулся берег, и белый крокодил был там, глядя на последнюю из племени его острова равнодушными красными глазами.

* * *

– Мамы долго нет, – Нгьянурочаче перевесился через борт, глядя туда, где ещё недавно был остров.

– Кровью пахнет. Дурно пахнет, – Джанпришьюрайя коснулся кончиком хвоста спины брата, указывая вправо, где мираж только-только начал затягивать обожжённые пальмы. – Чуешь?

– Кровь перемещается, – заметил Нуро, попробовав воздух раздвоенным языком. – Папина кровь.

– Мама будет ругаться, что ты его так называешь, – фыркнул Джан.

Почти сразу, как Данхо появился в их команде, он сблизился с той, кто однажды спасла их. И потому, не желая других имён и званий, они обращались к тому, кто был старше их всего на три года, как «папа». Данхо это даже нравилось. Он не упускал случая поговорить со своими великовозрастными «детिशками», никогда не ругался с мамой, и вообще его все любили. Вот только запах папы изменился после вчерашнего вечера.

Также было и три года назад, когда долго гостили на плавучем рынке.

Страх. От папы пахло страхом. Джан и Нуро ненавидели этот запах. С ним всегда приходили кровь и боль. Особенно боль. И сейчас, учуяв неладное, Ангуис окликнули команду, предупредили и скользнули в воду, не подняв и всплеска.

Игривые волны окутали сильные тела. Руки гребли равномерно. Хвосты скользили, удерживая между течений. И было в этом особое единение природы, которое Ангуис чувствовали как свободу. Но единственная свобода, которой им хотелось, была на их корабле «Прекрасная Элейн» рядом с мамой и папой.

Братья хлопнули по ладоням друг друга и разделились. Джан, который больше всех не любил запах страха, отпра-

вился по его следу. Мама всегда учила преодолевать свои чувства. Оттого догнать папу стало целью Джана. Нуро не менял курс. Там впереди, отделённая пеленой крови, была мама. И даже если её не надо спасать, Нуро спасёт, заберёт её оттуда домой. Ведь нет ничего важнее мамы, которая всегда рядом, которая говорила ласково, никогда не ударяла даже в шутку и совсем их с братом не боялась.

Мираж рябил. Вблизи он был похож на плёнку масла, налитого на стекло. И таких слоёв было несколько. А что за ними – непонятно. Но тревога за маму и папу обострила чувства детей. И мираж, и рифы, и остовы кораблей не получили жертв, не зацепили крепких тел, не задержали ни на миг.

Нуро добрался до берега. И по коже прошёл озноб. Чешуйки по бокам хвоста, такие чувствительные к направлению, температуре и ветру, встали дыбом, а глаза и мозг ещё не распознали того, что было впереди. Только руки, четыре сильных руки бережно прижали к мокрому торсу тонкое тело мамы, которая плакала. Нуро слушал, не перебивал. Скрутив хвост в кокон и посадив в середину маму, он впитывал её слова и чувства, осознавал, успокаивал, берёг. И одновременно, в точку, где змеиный капюшон вокруг головы переходил в человеческую кожу на спине, Нуро ощущал эмоции брата. Его гнев, его удивление, его выбор.

Багряной полосой рассекая лузурные воды, Джан следовал параллельно лодке. Острые доски развалившегося надвое старого корабля надёжно скрывали Ангуис от тех, кто

был окружён запахом страха. Джан ощутил тепло на верхней половине спины – чувства брата коснулись его: Нуро нашёл маму, с ней всё хорошо. Значит, следовало поторопиться и разобраться с папой.

* * *

Девушка без имени прижималась ухом к доскам палубы. Глубокий плеск моря, перестук гальки по песку, скрип обуви чужаков, всплески весла, бой крови в ушах – все звуки были простые и понятные, но вкралось в них нечто... Опасное, затаённое, живое. Оно рядом. Оно охотилось на них.

Мудрый Чуирококо на пляже в сознании девушки повернулся к серо-голубой воде, замерцал и пропал. И тут же берег затопило алым. Девушка без имени, не помня себя от страха, забилась между лавкой и стоящим мёртвым внутри себя чужаком с веслом.

Лодка затрещала, накренилась. Худой чужак закричал, дёргая верёвку на себя. Девушка без имени захрипела, не сводя взгляда с красной чешуи, с огромной змеиной морды, с четырёх человеческих рук, которые будто пытались отломать кусок лодки. И было понятно, что им это под силу.

– Красный крокодил, – просипела девушка и дёрнулась сильнее, когда лапа чужака рассекла верёвку на шее. Человек с веслом грёб, не оборачиваясь, внутри он становился лишь мертвее.

Песок облепил лежащую на нём руку. Шевельнулась? Нет, показалось. Зелёный жук с гудением опустился на раскрытую ладонь, прополз по линии жизни, замер на развилке голубых вен и скрылся под рукавом рубашки.

Волна накатила, слизала с пальцев песок, обнажив бурые от крови полукружья под ухоженными ногтями, и с шипением ушла, ловя последние лучи заходящего солнца. Жук выполз на грудь лежащему человеку, прошёлся к ключице, встал на задние лапки, потёр передние. Он будто выбирал место для трапезы. Несколько быстрых шагов, и вот зелёная хитиновая капля скользнула к шее человека. Следующая волна ударила его в бок, приподняла и потащила. Бросила.

Жук замер на высоком кадыке. Ещё немного. Колючая щетина. Приоткрытые губы. Следующая волна повлекла тело дальше. И дальше. К тому месту, где почти у самого берега находился скос. Обрыв. За которым сразу росли, выгибаясь будто в танце жертвоприношения, красно-серые кораллы.

Жук заполз в ноздрю. Выбрался оттуда. Застревая щетинками на лапках в порах щеки, проследовал к глазу. Волна. Зелёные крылья выпростались из-под панциря, жук забился, пленённый преградой, вылез на лоб и всё же взлетел. Бриз бросил насекомое в сторону, где длинный язык лягушки тут

же обвил жёсткое тело. Миг. И жука как не бывало. Серая цапля в два шага достигла добычи, лягушка квакнула в последний раз – шелест крыльев – и берег остался пуст. Мудрый Чуирококо, затаившийся между остовов кораблей, нырнул, высматривая то, что до этого лежало на песке.

* * *

– Гребите!

Таким был последний приказ Элоиза. И Данхо, ощущавший себя задохнувшейся рыбой в сетях, не чувствуя тела, встал, поднял весло и начал грести.

Что-то происходило вокруг: лопотала и будто молилась девушка, визгливо покрикивал Элоиз, плескало море, скребли по каменистому побережью весло и днище. Но Данхо было всё равно. С виду всё равно. Но внутри него бушевал пожар. Он горел отчаянно и дико, он не давал вздохнуть, зарычать, требуя свободы, требуя своё тело и волю назад, не даже заплакать... Уж от этого Данхо отучился давно.

Весло упёрлось в берег. Монотонные движения руками не были способны сдвинуть лодку с места. А она кренилась, заваливалась на правый бок, и Данхо тоже готов был упасть. Но ему не позволил это сделать запах.

Резкий запах красного перца и эвкалипта – запах ответственности, радости, цели, смеха и надёжного плеча рядом. Запах одного из близнецов – Джана.

Мышцы не слушались, невозможно было повернуться,

лишь бешено вращались глаза и пульсировала вспухшая кожа на шее сбоку с едва заметной покачивающейся иглой. Что-то путалось о ноги. Нет, кто-то. Не важно. А так ли это было не важно? Проклиная себя последними словами, Данхо скосил глаза: девушка. Она глядела на него испуганно, странно. Нет, не на него, на иглу.

– Помоги, – беззвучно, почти не размыкая губ, просипел Данхо. И девушка помогла.

Цепкой обезьянкой прыгнула ему на грудь, обхватила руками-ногами – между одетым и обнажённым телами оказалось весло – и повалила. В море, в пучину. Данхо успел заметить алую чешую перед тем, как всё стало зелёным. Напротив вспыхнули пламенем глаза девушки. Пронзительная боль и игла покинула шею. А Данхо продолжал грести.

Он двигал зажатым веслом и не мог остановиться. Он вспомнил, что не было приказа дышать. Он вспомнил о четверых, которых часто звал своими морскими братьями... Павших от его руки. И пожелал не дышать. Стыд сжигал его изнутри. Стыд заставлял кровь бурлить. Кровь разносила остатки яда по телу. По телу, которое больше не хотело жить.

Джанпришыюрая не успел подхватить Данхо и девушку, а те уже канули в воду. Сейчас Ангуис занимало одно: десяток игл, вонзившихся в грудь, и торжествующий человек напротив с плевательной трубкой у губ, будто танцующий на краю накренившейся лодки.

– Подчинись мне, чудовище! Лежать! – визжал человек.

Джан ощутил потребность исполнить приказ. Как тогда, в детстве, когда он, брат и их сестра, которой больше нет в этом мире, исполняли все прихоти своих господ. Джан надеялся, что больше никогда такого не случится. Джан, разжал пальцы, готовый распластаться по велению нежданного хозяина.

Но в то место, где змеиный капюшон переходил в человеческое тело, где близко к коже были крепкие позвонки, будто кто-то подул. Так тепло и приятно, чуть щекотно. Ощущение, переданное от брата. Ощущение, вызванное присутствием мамы – любовь. Безусловная всепрощающая любовь и приятие.

Джан закрыл жёлтые глаза и отринул в себе человеческое. И кожа на груди изменилась, будто изнутри проступили чешуйки. Они светились красным, болезненным. Цветом силы, крови и власти. Чешуя стала панцирем, и тот вытолкнул ненавистные иглы. Лодка в ладонях скомкалась бумажным листом. Ни щепки, ни гвозди не могли больше ранить Джана. Сейчас. Сейчас, когда он – вся мощь этого мира – Дитя Богов, слишком сильное и слишком миролюбивое в своей повседневности, был в гневе.

Руки сминали лодку в деревянный ком. Ещё и ещё! Замах. Тело погрузилось в воду, хвост упёрся в дно. Бросок. Джан не понял, успел человек убежать или нет. Только крик и дождь из обломков где-то на берегу. Ангуис нырнул за те-

ми двумя, но никого не нашёл.

Жар опалил правый бок, когда развернулись огненные крылья. Девушка была в панике. Она взлетала, на ней висел Данхо... И грёб, грёб обломанным веслом. Джан рассмеялся.

Это было так глупо, так странно. Как люди вообще живут в своих, ничем не защищённых, кожаных телах?

– Спускайся! – прорычал Джан, раскинув руки, и крылья пропали.

«Я снова пыталась улететь. Меня прогонял белый крокодил. Но красный крокодил пожелал моего возвращения. Значит, так тому и быть. Я останусь здесь с моим новым богом – красным крокодилом. Мы будем пировать теми, кто раньше был моим племенем. Потому что иначе нельзя. Какое имя мне выбрать, о, красный крокодил?»

– Дура! Не падай так резко!

Джан обхватил этих двоих, выволок на берег, ощупывая вздувшуюся шею папы, с тревогой заглядывая в его стекленеющие глаза и совсем не замечая девушку, которая лежала рядом на песке и с пламенем во взгляде впитывала образ своего нового бога.

«Его речь очень странная. Но он дал мне имя. Догура Непа Дайета Керезийко. Это слишком сильное имя для меня, о, мой возлюбленный бог красный крокодил. Я благодарна тебе за него. Но пока не могу принять его полностью. Я должна заслужить его. Я могу называться Догура. Это значит «зелёная волна». Твой выбор – моя душа. Твоё слово – моё

желание. Благодарю тебя, красный крокодил!»

И девушка встала на колени, трижды коснулась лбом береговой линии, прополоскала рот солёной водой, сплюнула один раз себе в ладони, другой – через левое плечо, третий – через правое. Обряд принятия имени. Так было нужно. Так было правильно.

Джан покосился на странную голую девушку, обтёр от плевка хвост и вновь склонился над Данхо.

– Где Элоиз? – проговорил мужчина, едва шевеля губами.

– Здесь.

Джан кивнул на груды обломков в стороне, отмечая, как неспешно под кожу уходят чешуйки, а с ними и всё животное, дикое, необузданное, что было до того момента. Ангуис мягко, насколько мог, обратился к Данхо:

– Папа, пора возвращаться на корабль. Нуро следует сюда с мамой...

– Я не вернусь. Элейн меня не простит. Моего предательства.

Джан посмотрел в тусклые разноцветные глаза мужчины и отпустил его, выпрямился. Плавным движением двинулся в обратную сторону по пляжу. Голая девушка следовала вместе с ним, пританцовывая, то касаясь рук и хвоста, то заглядывая снизу вверх в глаза. – Догура, – девушка хлопнула себя по груди и улыбнулась.

Ангуис, с трудом ворочая от обиды на папу языком, произнёс: – Это твоё имя?

Странная девушка часто заморгала, склонила голову на бок, не переставая пятиться, не глядя под ноги. Ангуис указал на себя и сказал:

– Джан. – Затем ткнул в направлении туземки, – Догура?

– Догура, Догура! – закивала та. И что-то радостно защелкала, размахивая руками. Джан уловил за спиной шелест крыльев – птица взлетела, – он хоть и любил наблюдать за ними, даже не оглянулся.

А пляж сделал крутой поворот, обводя близкие к воде деревья. Джан увидел, как в этот момент с той стороны появился брат, сплетя руки перед собой треном, в котором восседала мама. Ещё мгновение и маленькая глупая девочка в них бы врезалась. Джан подался вперёд, Догура подпрыгнула от неожиданности, и Ангуис крепко прижал её к себе, развернул лицом к Нуро и маме. И пигалица завизжала.

Несколько минут Элейн пыталась её успокоить, но Догура вскарабкалась по Джану, легла животом ему на морду, обхватив её неожиданно сильными ногами, вжалась лицом в капюшон, выставив на обозрение попу.

Когда Нуро начинал смеяться на корабле, снасти развязываться сами по себе, трескались ближайšie бутылки и чашки. Но сейчас, на пустынном берегу, когда Нуро хохотал, рыча и всхрюкивая, стуча кулаками по песку, крутя штопором хвост и при каждом взгляде на брата с воплем захлёбываясь смехом, сыпались только кокосы, да листья пальм. Элейн, держась за живот, сидела на корточках, фыркая, утирая слё-

зы и издавая протяжное «уиии», как только поднимала глаза на насупившегося Джана.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда им удалось отодрать Догуру от Джана. Девушка не сопротивлялась. И даже не смотря на тёмную кожу, было видно, что она вся покраснела, а мордашка скуксилась, и не понятно было, что последует дальше – смех или слезы. – Как он? – наконец перестав хихикать, спросила Элейн, пока девушка, как раньше Джану, представлялась Нуро. – Он предал тебя, мама. Но я знаю, почему. – Джан ткнул в свою грудь, в чуть вспухшие следы от игл.

– Бедный мой мальчик, – Элейн погладила его под подбородком, и Джан блаженно закатил глаза. Он тянул время возвращения к папе, ощущая стыд, что бросил его.

Мама поняла. Она всегда всё правильно понимала. Поэтому без лишних слов направилась туда, где лежали остатки лодки.

Пляж был пуст.

Пляж был пуст, не считая обломков. Ни Данхо, ни Элоиза. Нуро, от которого теперь не отцеплялась Догура, высунул язык и обернулся к морю.

– Он там.

Братья медленно подползли к линии прибоя. Почти сразу за ней начинался крутой обрыв. Запах папы шёл оттуда. Запах крови. Страха. И стыда.

Элейн, с трудом отошедшая от недавней истерики, пе-

реводила взгляд со странной девушки на спины сыновей, неспешно погружавшихся под воду. Женщине больше не было страшно и больно. Только пусто. И с этой кристальной пустотой она принялась осматривать пляж.

Вот здесь явно кто-то лежал. Но всё зализано волнами. Здесь следы птицы. Наверное, цапли. Чуть в стороне обломки лодки. Её, Элейн, лодки. «Малыш Джан разбуянился», – с нежностью подумала женщина и прошла дальше. К близким пальмам, там, где кучерявились папоротники, жалась цепочка торопливых узких следов. Знакомых следов. Убегающих в южную часть острова. Элейн судорожно выдохнула через нос, положила себе руку пониже затылка, дважды хрустнула шеей и пошла обратно. Здесь всё и так понятно – туда ему и дорога. Осталось разобраться со вторым.

Через двадцать минут Джан вернулся один.

– Гребёт! – с удивлением пуча глаза, отрапортовал он. – Сказал, что последний приказ был отдан «Греби!», вот он и гребёт к кораблю. Нуро с ним. Вернётся с лодкой. Ребята присмотрят за папой.

Элейн кивнула, глянула на девочку, та жадно, явно не понимая речи, ловила каждое слово Ангуис, и пошла к ближайшей пальме. Всё же кокосовое молоко было редкостью на корабле, а здесь можно набрать орехов вдосталь.

* * *

Закат опускался на море. Кокосы и бананы, до которых до-

тянулись загребущие руки пиратов, были погружены в трюм. Догура, одетая и обутая, не отлипала от обоих Ангуис. Команда занималась своими делами, а на верхней палубе сидели двое.

Женщина, закинув на перила стройные ноги, пила из коcosовой пиалы ром. Рядом, закутанный в одеяло, курил мужчина. После всех припарок корабельного доктора он явно ожил, но всё ещё зяб.

Элейн ни о чём не спросила. Данхо не хотел говорить. Он лишь глотал белый дым и щурился на закатное солнце. На руку его опустился зелёный жук. – Ого, не ожидал встретить здесь трупоеда, они ведь только на континенте водятся, – были первые после возвращения, хриплые слова Данхо.

– Какая мерзость, – улыбнулась Элейн, наконец расслабившись, и щёлкнула по хитиновому изумруду ногтем. Жук с гневным гудением поднялся. Сделав круг, устремился к острову, где на пляже было достаточно подходящей еды.

Остров Бумеранг был большим. Десяток маленьких городов, вдвое больше деревень и бессчётное количество верфей и доков – и всё это было пиратским. Чужаков, приличных людей, сюда не пускали. Но беззаконием здесь и не пахло. Да, бывало, что залётная компания устроит дебош в баре или попытается напасть на торговца, но это всегда заканчивалось одним из трёх способов.

Или весельчаков больше не видели и в ближайшей бухте можно было пару суток плавать без опасения попасться голодным акулам, или бросали в одну из подводных тюрем, которыми ещё в давние времена оснастили самые крупные верфи, или перевоспитывали. Последнее, что удивительно, случалось чаще всего. И потом из бывших буянов получались очень честные разбойники.

В нескольких таких тёмных и мрачных местах в своё время Элейн пополнила себе команду, часть которой, лучшая, честно признаться, часть, навсегда осталась на Крокодилем острове. Было обидно терять надёжных товарищей, но что поделать. И капитан решила на днях снова пройтись по значным и не очень местам, чтобы пополнить ряды. А пока хотелось немного отдохнуть и ни о чём не думать.

Они бросили якорь в дружественном доке, за день продали кокосы и бананы, выручив приличную сумму, купили

лодку, медикаменты и одежду для новенькой. Всё же гардероб Элейн был не по малышке. На берег Догура сходить от-казалась, потому и Ангуис, не слишком любящие шумные толпы, остались с девушкой на судне. Остальная же команда разбрелась кто куда, чтоб вернуться через три дня.

Капитан и рулевой прошлись по кораблю, заглянули в трюм, где Джан и Нуро терпеливо объясняли Догуре мест-ный язык, убедились, что всё в порядке, и выбрались в город.

Неширокие петляющие улочки спускались к докам, год от года обрстая всё большим количеством надстроек. Кто-то даже умудрился затащить на самый верх этого городка стар-ый корабль и сделать в его вороньем гнезде маяк. Внизу же располагался очень дорогой кабаk, докуда гости добирались не так часто, выбирая маленькие уютные заведения по бокам улочек.

Элейн тоже любила эти комнатёнки на четыре стола, где в паре шагов хозяин готовил заказ, одновременно перекрики-ваясь с соседями через улицу, а в распахнутую заднюю дверь со стороны кухни то и дело забегали посыльные, принося на обмен то рыбу, то овощи и фрукты, то бутылочку чего-ни-будь вкусного. Но сейчас капитан шла туда, где меньше на-роду, к кораблю-маяку.

Просторный зал, колонны в зеркалах, инкрустация ра-кушками и золотом, под потолком большой канделябр с па-рой сотен крошечных стеклянных баночек, в которых пуль-сировали светлячки. На удивление почти все столы были

заняты. В центре оркестр неспешно и мелодично исполнял "Моя маленькая рыбка», чуть медленней, чем было принято в кабаках, чуть полнее за счёт трубы и флейты. Новые гости только расположились за столиком в уголке в полукружье бархатных портьер, как зазвучала новая мелодия: «Люблю тебя как ветер в парусах». Старая баллада, в которой не было слов, и каждый моряк пел её так, как чувствовал. Но отчего-то все понимали, о чём, как правильно. Сердце моря билось в унисон с людскими сердцами.

Маленький диванчик, чуть потёртый, с подушками в одной стороне, мягко удерживал новых гостей, а те и не рвались в пляс, лишь смотрели, как напротив музыкантов неспешно покачивались пары. И дамы на протяжном звуке трубы отходили от своих кавалеров, а потом крутились, прихитывая каблучками, взмахивая пышными юбками, и прижимались к партнёрам с затаённой или открытой любовью заглядывая в глаза.

Принесли сыр, виноград и орехи, политые мёдом, терпкое красное вино и тонкие ломтики поджаренного мяса в зелени, украшенные розовыми половинками креветок, белыми медальонами мидий и оранжеватым от специй крабовым мясом с бледно-жёлтыми лепестками соуса.

Чистейшее столовое серебро, тончайшее стекло бокалов, матовое дерево подставок под фарфоровые тарелки, накрахмаленная тёмно-синяя скатерть, вышитая голубым абрисом корабля – это понравилось Элейн. Потому, когда подошёл

сам хозяин заведения в высоком белом колпаке и предложил свежее кокосовое молоко из плодов, которые доставили только сегодня, капитан с улыбкой согласилась. Да, было немного глупо покупать втридорога стакан сладкой свежей жидкости, привезённой командой «Прекрасной Элейн» в этот город, но настроение требовало баловства.

Данхо, всё ещё не особо разговорчивый после острова, ел на удивление мало, едва пригубил вино. Он сидел, прикрыв глаза, склонив голову в сторону музыкантов, и слегка покачивался в такт мелодии. Элейн неспешно пила, аккуратно накалывала на вилку лакомства, с удовольствием смакуя каждый кусочек.

Мясо было чуть с горчинкой, сочное, тающее на языке. Элейн обмакивала тонкие ломтики в мёд, клала сверху сыр, половинку винограда и отправляла в рот, с блаженством мурлыча себе под нос. Креветки, варёные в морской воде, оказались острыми, но ровно настолько, чтобы создать мясу тот самый контраст, при котором на языке обострялись все чувства, наполняя тело радостным подъёмом. Удивительно, как к месту пришлось кокосовое молоко, сдобренное ромом. Вместе с напитком принесли и стружку мякоти плода, и Элейн завернула её в нежнейшее крабовое мясо, попробовала, едва язык не откусив от восторга. Это было потрясающе.

Тело, расслабленное от вина, но не отяжелевшее от пищи, пожелало движения. Женщина кивнула спутнику, но тот или не понял, или пока не был готов танцевать. Элейн под-

нялась, потянулась, от чего на груди блуза с открытыми плечами сползла чуть ниже – ещё немного и будет слишком откровенно, – и прошла в центр зала.

Две танцующие пары кружились по бокам от Элейн под неспешные переливы «Я был в дальнем краю, повстречал там друга-жирафа, назвал его Ийохим». Капитан обхватила себя за плечи, отдаваясь мелодии, мурлыча в такт: «Ты был длинноног, мой жираф, ты голову мне на плечи склонял... – тут вступала скрипка с таким щемящим звоном, что все понимали: грядёт беда, – и звук обрывался, и барабан вместе с трубой поднимали в памяти новые строки: – Я не уследил за тобой, в капкан ты медвежий попал. Мой друг Ийохим, я был предан тебе, как и морю. Но море пленило меня на этом клочке земли... – и вновь рвала душу скрипка, вызывая припев: – Но море пленило меня, Ийохим, на этом клочке земли. На этом клочке земли, Ийохим, вместе с тобой. Вместе с тобой у обломков моего корабля...»

Элейн почувствовала на талии крепкие ладони. Горячий родной запах. Спиной прижалась к груди. Не открывая глаз, подняла руки над головой, зарылась пальцами в густые волосы Данхо. Ощутила на шее его дыхание и поцелуй. И снова. И снова. Не давал повернуться к нему. Покачивал в такт музыке, целовал. Истома, сладкая, как первый летний бриз, наполнила Элейн, и жар её тела стал красноречивей любых слов.

Данхо увлёк свою женщину в крошечный номер тут же на

корабле, повалил на широкую кровать, лёг сверху, опираясь на локти. Губы были обветренными, но такими сладкими от вина, а дыхание таким распалённым, что Элейн готова была на всё.

Широкая ладонь опустилась на грудь, заскользила, отодвигая тонкую ткань, обнажая белую кожу с тёмным ореолом, который тут же накрыли губы, уже не сухие от продолжительного поцелуя.

Колено Данхо развело ноги Элейн в стороны, тугая ткань брюк обхватила бёдра, натянулась, будто призывала сорвать себя с тела. Но мужчина не спешил. Хотя еле сдерживался. Женщина протянула руку, желая коснуться его там, где заканчивалась высокая шнуровка на поясе штанов, которые также желали избавления от рвущейся наружу плоти. Но Данхо не позволил. Перехватил, пригвоздил томным взглядом и сделал всё сам. Одежда освободилась от тел, желавших лишь одного – слияния.

И горячая сладкая боль раскалённого гиганта пронзила Элейн, вызвав протяжный стон. Данхо медленно двигался, прижимая к плечам ноги женщины, целуя их, облизывал пальчики, покусывал, рычал и не останавливался, с каждым толчком заявляя своё право на эту прекрасную леди.

А она была только за, выгибаясь навстречу ему, скользя ладонями по его бокам, ягодицам и бёдрам, ожидая, что скоро окажется сверху и будет властвовать над этим роскошным телом, смотреть в эти невероятные глаза и шептать то же, что

и он: «Я люблю тебя. Я буду всегда тебя любить. Я принимаю тебя сейчас и вовек».

И это будет самой простой и понятной истиной, которая может быть между двумя людьми.

Последний день перед отплытием с острова Бумеранг был посвящён набору команды. Элейн и Данхо в сопровождении пары ребят с корабля отправились в ближайшее место заточения узников. Следовало начать с самых буйных, ведь чаще всего у них, кроме собственных мнений и крепких тел, было множество историй о том, как и чем сейчас жил мир.

Серпантин дороги, проходящий мимо огромного ветхого, но не раз выручавшего своим светом маяка, имел боковой проход к поляне, на которой с шатрами расположились гости острова. Да, не пираты. Да, такое было редкостью. Бродячий театр – таких пускали на остров, ведь музыка и море, маски и разбойники были тесно сплетены с давних времён.

Пёстрые полосатые шатры надувал ветер. Люди в тёмных облегающих одеждах и ярких перчатках жонглировали, танцевали, глотали факелы и шпаги. Немногочисленные зрители покатывались со смеху. Элейн, остановившись у развилки, не выдержала и свернула к шатрам. Давно не встречались бродячие актёры, вдруг, у них есть какая информация.

Человек в зелёных брюках, фиолетовом фраке и огромных рыжих, начищенных до блеска ботинках поднял шляпу, приветствуя подошедших.

– Леди и дедди, прошу вас, смотрите, не уходите, вкусите! Плените монетой наши умы, мы не хитры, но поживе вер-

ны! Мы обошли все моря и поля, горы, равнины и города. Кто-то сказал, что всё зря? Нет, уверяю! Себя вам вверяю и труппу мою. Я вам всем пою, что не кончится жизнь, как не кончится море. И мы все ликуем на этом просторе. Мы станем безумной игрою, где каждый сам себе бог, где, покинув порог отчего дома, не взяв ни монеты, ни слова, отправимся в путь. Из черни мы станем князьями. Так было и будь! Так станем друзьями! Приветствую вас я, Луи Томасон.

Элейн склонила голову к плечу, с улыбкой глядя на приплясывающего, уже не молодого мужчину, этого Луи, приказала:

– Данхо, дай ему монет. Он мне нравится.

Рулевой растянул завязки кошелька. Луи с поклоном принял деньги, указал на свободные места.

– Мы ненадолго. А вы с кем отправитесь дальше? – спросила Элейн.

– С кем море пошлёт, – с грустной улыбкой сказал весельчак.

* * *

По пляжу Крокодильего острова медленно брёл человек. Его преследовала тихо жужжащая муха. Разорванная одежда, напитавшаяся солью моря, почти не колыхалась на ветру. Голову и спину от палящего солнца закрывала шкура белого крокодила, прожившего свои сто тридцать лет на острове, не отведав за всё время и капли людской крови. Длинный хвост волочился по серовато-жёлтому песку, оставляя

между узкими следами ног тёмную борозду, в которой почти сразу поднималась вода.

Зелёно-оранжевые тени от пальм больше не падали на человека, перекинулись на джунгли по левую руку. Время шло к закату. Очередному закату на этом безлюдном острове. Очередной ночи без ветра и дождя.

Лазурные воды терялись в дымке по эту сторону миража. И в нём, будто в тумане или мутном зеркале проступали гротескные, но уже такие привычные человеку образы: обломки кораблей, чёрные от воды внизу и охристо-белые, опалённые солнцем, сверху. Красно-серые рифы, торчащие то тут, то там из ряби волн, будто следили за идущим. А он, не признаваясь себе, – за ними. И даже маленькое надоедливое насекомое так не заботило путника, как эти надуманные взгляды. В каждом из которых чудились глаза знакомых.

Человек подслеповато шурился. Очки с разбитыми стёклами остались где-то на дне морской пропасти вместе с остальными вещами. Сожалеть о них было бессмысленно. Муха села на щёку. Поднялась костлявая рука и сразу опустилась. Насекомое упало замертво на песок. Кровь человека была ядом для всех, кроме него.

Он смотрел мутно-голубыми глазами вперёд и брёл, не сбавляя шаг. До конца острова, где поздней осенью, если верить расчётам, случались отливы и можно почти посуху перебраться на соседний остров Бумеранг, было ещё очень далеко. И по расстоянию, и по времени, а уж до того самого

отлива ещё месяцев пять.

Человек хмыкнул, представив, как все удивятся, увидев его, выходящего из тумана со шкурой белого крокодила на спине. Удивятся, если он доживёт. Человек покачал головой. В правом ухе тяжело качнулась капля из алого, будто полупрозрачного камня. Символа братства Вечности.

12

Луи подошёл к Элейн в конце представления.

– Леди, хотите вольных фантазий?

– Если за них не порят плетью... – пропела капитан строку из популярной ныне песни. Луи подхватил:

– Если того не видят дети. Если глаза их и ушки закрыты, порите меня. Порите меня, терзайте плоть. Ведь я в своей правде дошёл до грани и скоро, смотрите, перевалюсь.

– Так о чём вы хотели поговорить, Луи? – мягко улыбнулась Элейн.

Шумела от ветра трава на поле, гомонили зрители, колыхались шатры, равномерно на прибрежные камни накатывали волны, бренчали струны, гудели трубы, барабаны ритмично звали в пляс под лихой перелив гармошки. Если закрыть глаза, вся эта какофония звуков сливалась в прекрасную мелодию. А если не закрывать, всё тоже было очень даже хорошо.

Луи сел рядом, чуть сбоку, на перевёрнутый ящик. Тоже закрыл ненадолго глаза, потом пытливо взглянул на Элейн.

– Представьте, что вы – героиня романа...

– Да полно вам! Кто захочет об этом писать? – фыркнула женщина.

– Ну не скажите! Я б о вас написал! Ох, молодой человек, не стоит глядеть на меня волком! – Луи замахал руками, на-

поровшись на пристальный взгляд Данхо. Капитан прикоснулась к руке рулевого, чуть сжала, успокаивая, кивнула собеседнику. Тот продолжил: – Мы ведь все герои чьих-либо книг. Особенно тех, что пишем внутри себя. Не так ли?

– Кто знает, – прищурилась Элейн. Игра ей определённо нравилась.

– Так вот, мы уже представили, что вы – героиня романа. Но при этом вы и автор этого романа. Мемуары – вам известно такое? Ага. Вот! А теперь представьте, что вы встретились со своими читателями...

– Я, конечно, читала чужие мемуары, но я бы никогда такое в здравом уме не купила! – рассмеялась Элейн.

– А я б купил твои мемуары. Все. И не доставайся они никому! – насупившись, прошептал Данхо, целуя Элейн за ухом. Женщина фыркнула, склонила голову, подставляя губам шею.

Луи покашлял в кулак. Капитан и рулевой приняли деловитый вид, но рук не разомкнули, лишь сжали ещё крепче.

– Так вот, что бы вы сказали своим читателям? Представьте, что они прямо перед вами.

Элейн пожалала плечами.

– Хорошо, можете не отвечать! – Луи поднял руки в белых перчатках. – Просто подумайте об этом.

– Почему бы и нет. – женщина посмотрела в его усталые глаза, спросила: – Луи, мы можем вам чем-нибудь помочь?

Он покачал головой, улыбнулся одной половинкой губ.

– Я сам допустил ошибку. И только мне... – он не договорил, махнул рукой.

Тяжёлое прошлое, которое читалось на лице мужчины, не высказанное, было печально для Элейн. Она чувствовала какую-то общность с этим человеком. Будто одно горе было у них на двоих.

– Луи, я могу что-нибудь для вас сделать?

Он качнул головой, опустил подбородок на руки, задумался, глядя себе под ноги. Элейн не стала его тревожить. Поднялась, кивнула команде и покинула поляну с шатрами, не отпуская руки Данхо.

* * *

Читатель, да... Если ты мой читатель... Море, я не верю, что говорю это всё даже в мыслях. Ладно, попробуем снова!

Если ты – мой читатель, скажи, каково тебе было со мной? Ты видел меня и тех, кем я себя окружила... Как тебе это? Наши... Наши отношения, если так позволительно говорить. Знаешь, мой выдуманный читатель, иногда мне кажется, что ничего бы этого не случилось, если бы я осталась прежней...

Прежняя я... Хм... Скучная серая жизнь... Бессмысленный ритуал. Отсутствие свободы. Смелости. Все дни слиты в один. «Слушай голос гор», – говорила смотрительница Магда. А я, знаешь, читатель, я никогда его не слышала! Как можно услышать голос камня? Ну как? Это же... Бред. Я не знаю...

А море... Море – это другое. Море – это моё.

Читатель, ты был у моря? Ты чувствовал на себе солёные брызги? Ты ходил босиком по песку? Ты позволял волнам укачивать тебя? Ты знаешь, как превосходно море в любом своём настроении?

Я – знаю.

Нет, читатель, ты не дождёшься моих слёз в конце. Не в этой главе. Если мне, конечно, позволено, разбить свою жизнь на главы. Но разные книги были бы точно: до и после моря.

Да, так что на счёт моих вопросов, читатель? Как я тебе? Как тебе то, что ты увидел, произошедшее со мной? И те, кто меня окружают? Я буду ждать твоих ответов, сколько бы времени это не заняло.

Твоя Элейн Феникс.